ЗИГМУНД ФРЕЙД
«НЕКОТОРЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ АНАТОМИЧЕСКОГО РАЗЛИЧИЯ ПОЛОВ»

Мои работы и работы моих учеников выставляют со все большей категоричностью требование, чтобы анализ невротиков проникал также и в первый период детства, в период раннего расцвета сексуальной жизни. Лишь исследовав первые проявления привнесенных в конституцию влечений и явления самых ранних жизненных впечатлений, можно правильно постичь движущие силы наступившего впоследствии невроза и обеспечить себя от ошибок, совершению которых могут способствовать преобразования и наслоения периода зрелости. Это требование имеет не только теоретическое значение, но оно важно также и в практическом отношении, так как оно отграничивает наши старания от работы таких врачей, которые, имея только терапевтическую ориентировку, прибегают во время лечения на некоторое время к аналитическим методам. Такой анализ раннего периода продолжителен, труден и предъявляет к врачу и пациенту требования, осуществлению которых практика не всегда идет навстречу. Он приводит далее к таким неясностям, для которых у нас еще нет путеводных вех.

Я полагаю даже, что можно заверить аналитиков в том, что их работе в ближайшие десятилетия не угрожает опасность стать механизированной и вследствие этого неинтересной.

В нижеследующем я сообщаю результат аналитического исследования, который был бы весьма важным, если бы можно было доказать, что он может быть обобщен. Почему я не откладываю этого сообщения до тех пор, пока более богатый опыт не даст мне этого доказательства, если оно вообще может быть приведено? Потому что в условиях моей работы произошло изменение, последствий которого я не могу отрицать. Я раньше не принадлежал к числу тех лиц, которые не могут хранить у себя предполагаемое открытие в течение некоторого времени до тех пор, пока оно не найдет себе подтверждения или оправдания. «Толкование сновидений» и «Bruchstuck einer Hysterieanalyse» (случай Доры) лежали у меня, если и не в течение девяти лет по рецепту Горация, то во всяком случае в течение четырех-пяти лет, прежде чем я их опубликовал. Но тогда у меня впереди было много времени – oceans of time, как говорит поэт – и материал был у меня в таком изобилии, что я с трудом мог справиться с ним. Кроме того, я был единственным работником в этой области, и то обстоятельство, что я не опубликовывал своих исследований, не грозило никакой опасностью мне и не приносило никакого вреда другим.

Теперь обстоятельства изменились. Мое время ограничено, я не могу больше использовать его целиком для работы, следовательно, у меня нет уже столь благоприятных

условий для обогащения своего опыта. Если я предполагаю, что я открыл нечто новое, то у меня нет уверенности в том, что я смогу дождаться подтверждения его. Все, что находилось на поверхности, уже исчерпано, остальное должно быть добыто с помощью медленных усилий из глубины. Наконец, я больше не один: группа усердных соработников готова использовать даже незаконченные, недостаточно обоснованные познания, и я могу оставить им ту часть работы, о которой я в противном случае должен был бы позаботиться сам. Итак, я чувствую себя вправе сообщить на этот раз нечто такое, что настойчиво требует проверки, прежде чем будет признана его ценность или никчемность.

Исследуя первые психические образования сексуальной жизни у ребенка, мы берем обычно в качестве объекта ребенка мужского пола, маленького мальчика. Мы полагали, что у маленькой девочки дело должно обстоять аналогичным образом, но все же как-то иначе. В каком пункте развития следует искать этой разницы – это с определенностью установлено не было.

Ситуация Эдипова комплекса является первым этапом, который мы с уверенностью распознаем у мальчика. Он нам легко понятен, так как в нем мальчик фиксируется на том самом объекте, к которому он в предшествующих периодах младенчества и ухода был уже привязан с помощью своего либидо, не имевшего еще генитального характера. Тот факт, что он учитывает при этом личность отца, как стоящего на его пути соперника, которого он хочет устранить и место которого он хочет занять, вытекает непосредственно из реальных соотношений. В другом месте («Гибель Эдипова комплекса») я показал, что эдиповская установка мальчика относится к фаллической фазе и погибает вследствие страха кастрации, т. е. вследствие нарцистического отношения к гениталиям. Трудность понимания вытекает из того усложняющего обстоятельства, что самый Эдипов комплекс у мальчика имеет двоякую установку, активную и пассивную, соответственно бисексуальному расположению. Мальчик хочет также заменить отцу в качестве любовного объекта мать; мы называем это женственной установкой.

Относительно доисторического периода Эдипова комплекса у мальчика нам еще далеко не все ясно. Мы знаем из него идентификацию с отцом, связанную с нежными побуждениями и лишенную еще характера соперничества в отношении к матери. Другим элементом этого предшествующего периода является, по моему мнению, не отсутствующая ни в одном случае мастурбаторная манипуляция с гениталиями, онанизм в раннем детстве; более или менее насильственное подавление его со стороны воспитателей активирует кастрационный комплекс. Мы предполагаем, что этот онанизм связан с Эдиповым комплексом и означает отреагирование его сексуального возбуждения. Неизвестно, берет ли он свое начало в этих соотношениях или же он возникает самопроизвольно, как деятельность, связанная с определенными органами, и лишь впоследствии присоединяется к

Эдипову комплексу; вторая возможность является гораздо более вероятной. Возникает еще вопрос о роли ночного недержания мочи и об отвыкании от этого вследствие вмешательства воспитания. Мы предпочитаем простой синтез, согласно которому ночное недержание мочи является результатом онанизма, а подавление его оценивается мальчиком как торможение его генитальной деятельности, т. е. в смысле угрозы кастрации; но неизвестно, будем ли мы правы в каждом отдельном случае. Наконец, анализ дает нам возможность смутно узнать о том, что подслушивание коитуса между родителями в очень раннем детском возрасте может вызвать первое сексуальное возбуждение и стать в силу своего последующего влияния исходным пунктом для всего сексуального развития. Онанизм, равно как и обе установки Эдипова комплекса, присоединяется впоследствии к получающемуся в результате подслушивания впечатлению. Однако мы не можем предположить, что такое подслушивание коитуса имеет всегда место, и сталкиваемся здесь с проблемой «первофантазий». Если, таким образом, в доисторическом периоде Эдипова комплекса у мальчика есть так много невыясненного, то следует проверить и решить, всегда ли существует один и тот же путь и не приводят ли самые различные предварительные стадии к центральному пункту одной и той же конечной ситуации.

Эдипов комплекс маленькой девочки скрывает в себе проблему глубже, чем Эдипов комплекс мальчика. Первоначально мать являлась для обоих первым объектом; мы не Должны удивляться, если мальчик сохраняет этот объект и в Эдиповом комплексе. Но каким образом девочка отказывается от него и выбирает в качестве объекта отца? При разрешении этого вопроса я имел возможность установить некоторые положения, которые могут пролить свет именно на доисторический период эдиповского соотношения у девочки.

Каждый аналитик имел возможность изучить женщин, которые с особой интенсивностью и упорством сохраняли свою привязанность к отцу и желание получить от отца ребенка, желание, в котором эта привязанность получила свое высшее выражение. Можно с полным основанием предположить, что это фантастическое желание было также и движущей силой их инфантильного онанизма, и тогда легко получается такое впечатление, что мы находимся здесь перед элементарным, не поддающимся дальнейшему разложению фактом детской сексуальной жизни. Однако подробный анализ этих именно случаев показывает нечто другое, а именно, что Эдипов комплекс имеет в данном случае долгий доисторический период и является до некоторой степени вторичным образованием.

По замечанию старого детского врача Линднера, ребенок открывает доставляющую удовольствие генитальную зону – пенис или клитор – во время сладострастного сосания. Я хочу оставить открытым вопрос о том, действительно ли ребенок пользуется этим новоприобретенным источником удовольствия для замены недавно потерянной материнской груди, на что могут указывать позднейшие фантазии. Короче говоря, генитальная зона

когда-нибудь открывается, и у нас нет, по-видимому, никакого основания подвести первые манипуляции с ней под психическое содержание. Однако ближайшим моментом в начинающейся таким образом фаллической фазе является не связь этого онанизма с объектными привязанностями Эдипова комплекса, а чреватое тяжелыми последствиями открытие, выпадающее на долю маленькой девочки. Она случайно обнаруживает большой, легко заметный пенис у брата или сверстника, распознает его как преувеличенный аналог своего собственного маленького и скрытого органа, и ею овладевает зависть к пенису.

Интересна противоположность в поведении обоих полов: в аналогичном случае, когда маленький мальчик впервые видит генитальную область девочки, он ведет себя нерешительно, прежде всего он мало интересуется; он ничего не видит или отрицает свое восприятие, ослабляет его, ищет подтверждений, которые привели бы это восприятие в соответствие с его ожиданием. Лишь впоследствии, когда на него оказывает свое действие угроза кастрации, тогда это наблюдение становится для него многозначительным: воспоминание о нем или новое наблюдение вызывает в нем взрыв устрашающего аффекта и вынуждает его поверить в действительность угрозы, к которой он до сих пор относился иронически. Из этого соотношения вытекают две реакции, которые могут зафиксироваться, а затем каждая из них в отдельности или обе вместе или в совокупности с другими моментами могут надолго определить его отношение к женщине: боязнь изуродованного существа или презрение к нему, вызванное чувством превосходства. Но это развитие происходит уже в будущем, хотя и не очень отдаленном.

Иначе ведет себя маленькая девочка. У нее мгновенно созревает суждение и решение. Она видит пенис, знает, что у нее нет его, и хочеть иметь его[1].

Здесь ответвляется свойственный женщине, так называемый комплекс мужественности, который иногда доставляет большие трудности предначертанному развитию к женственности, если не удается вскоре преодолеть его. Надежда получить все-таки когда-нибудь пенис и стать таким образом равной мужчине может сохраниться в течение очень долгого времени и стать мотивом для странных, иногда непонятных поступков. Или начинается процесс, который я назвал бы отрицанием; процесс этот наступает в детской душевной жизни нередко и, по-видимому, не таит в себе опасностей; у взрослого же он знаменовал бы собою психоз. Девочка отказывается признать факт своей кастрации, твердо убеждена в том, что она обладает пенисом и вследствие этого вынуждена вести себя так, как если бы она была мужчиной.

Психические последствия зависти к пенису, поскольку она не растворяется в

---

[1] Здесь уместно внести поправку в положение, высказанное мною несколько лет тому назад. Я полагал, что сексуальный интерес ребенка пробуждается не в следствие различия полов, как это имеет место у созревающего индивида,а в связи с проблемой, откуда берутся дети. Это, конечно, неверно, по крайней мере для девочки. У мальчика это происходит один раз так, другой раз иначе, или же у обоих полов решающим моментом в этом отношении являются случайные жизненные события.

реактивном образовании комплекса мужественности, разнообразны и многозначительны. С признанием своей нарцистической раны у женщины возникает – словно рубец – чувство малоценности. После того, как она преодолевает первую попытку объяснить отсутствие у нее пениса понесенным ею лично наказанием и узнает об общераспространенности этого характерного полового признака, она начинает разделять пренебрежение мужчины к полу, имеющему дефект в столь важной части организма, и продолжает, по крайней мере, в этой оценке приравнивать себя к мужчине.

Даже в том случае, если она не испытывает зависти к пенису в отношении к себе самой, зависть эта не исчезает: с помощью небольшого перенесения она получает свое выражение в характерной черте ревности. Конечно, ревность свойственна не одному только полу; она имеет более широкое обоснование, однако я полагаю, что в душевной жизни женщины она играет все же гораздо большую роль, так как она получает огромное подкрепление из источника подавленной зависти к пенису. Еще прежде, чем я мог сделать такой вывод относительно ревности, я выделил первую фазу столь частой у девочки онанистической фантазии, которая была названа «ребенка бьют». Смысл этой фантазии сводится к тому, что бьют другого ребенка, которого девочка ревнует, как соперника. Эта фантазия является, по-видимому, остатком фаллического периода у девочки; своеобразное упорство, поразившее меня в однообразной формуле «ребенка бьют», допускает, по всей вероятности, еще особое толкование. Ребенок, которого бьют, т. е. любят, является в сущности не чем иным, как клитором, так что это выражение содержит в глубинах своих признание мастурбации, которая связана с содержанием этой формулы, начиная с фаллической фазы вплоть до более поздних времен.

Третьим следствием зависти к пенису является, по-видимому, ослабление нежного отношения к матери. Связь эта не совсем понятна, но всегда можно убедиться в том, что виновницей отсутствия пениса считается в конце концов почти всегда мать, которая родила ребенка на свет, не наделив его всем необходимым. Исторический ход мыслей таков, что вскоре после обнаружения дефекта в гениталиях возникает ревность в отношении к другому ребенку, который якобы больше любим матерью; и это является поводом для освобождения от привязанности к матери. Это обстоятельство согласуется с тем, что этот более любимый матерью ребенок становится первым объектом фантазии о наказании его, которая предшествует мастурбации.

Поразительное влияние зависти к пенису – или открытия малоценности клитора – является, конечно, самым важным из всех. Раньше я неоднократно получал впечатление, что женщина в общем хуже переносит мастурбацию, нежели мужчина, чаще борется с ней и не прибегает к ней тогда, когда мужчина при тех же самых условиях безусловно пользуется этим средством. Разумеется, если принять это положение за правило, то опыт укажет нам на

многочисленные исключения из него. Реакции индивидов обоего пола состоят ведь из мужских и женских черт. Но тем не менее у нас есть основание предположить, что мастурбация более чужда природе женщины, и для разрешения этой предполагаемой проблемы следует принять во внимание, что по крайней мере мастурбация, связанная с клитором, является мужской манипуляцией и что условием для развития женственности является устранение сексуальности, связанной с клитором. Анализы фаллической фазы показали мне, что вскоре после проявления зависти к пенису у девочки наступает энергичное сопротивление против онанизма, которое не может быть объяснено одним только влиянием воспитания. Это побуждение является, очевидно, предвестником того вытеснения, которое устранит ко времени созревания большую часть мужской сексуальности, чтобы дать место развитию женственности. Возможно, что эта первая оппозиция против аутоэротической деятельности не достигает своей цели. В анализированных мною случаях так и было. Затем конфликт продолжается, и тогда, как и в последствии, девочка делает все, чтобы освободиться от онанизма. Некоторые позднейшие проявления сексуальной жизни женщины остаются непонятными, если не учитывается этот веский мотив.

Я не могу объяснить себе этого сопротивления маленькой девочки против фаллического онанизма иначе, как предположив, что эта доставляющая удовольствие деятельность жестоко страдает от возникающего вслед за ней момента. Этого момента не надо долго искать. Это – связанная с завистью к пенису обида, напоминание, что в этом пункте нельзя сравниться с мальчиком и поэтому лучше всего отказаться от соревнования с ним. Таким образом, познание анатомического различия полов отталкивает маленькую девочку от мужественности и от мужского онанизма и направляет ее на новые пути, которые ведут к развитию женственности.

Об Эдиповом комплексе до сих пор не было речи, он до сих пор и не играл никакой роли. Но теперь либидо девочки занимает новую позицию (можно лишь сказать: путем предначертанного символического сравнения пенис-ребенок). Она отказывается от желания иметь пенис, чтобы заменить его желанием иметь ребенка, и для этой цели она выбирает в качестве любовного объекта отца. Мать становится объектом ревности, маленькая девочка превращается в женщину. Если я могу доверять единичному аналитическому результату, то в этой новой ситуации дело может дойти до физических ощущений, которые должны быть учтены как преждевременное пробуждение женского генитального аппарата. Если девочка отказывается впоследствии от этой привязанности к отцу в силу безнадежности ее, то привязанность эта может вылиться в идентификацию с отцом, вместе с которой девочка возвращается к комплексу мужественности и иногда фиксируется на нем.

Я сказал все существенное, что мне было нужно, и останавливаюсь теперь, чтобы окинуть взором результаты, к которым мы пришли. Мы познакомились с доисторическим

периодом Эдипова комплекса у девочки. Относительно этого же периода развития у мальчика нам абсолютно ничего неизвестно. У девочки Эдипов комплекс является вторичным образованием. Ему предшествуют и его подготавливают воздействия кастрационного комплекса. В соотношении между Эдиповым и кастрационным комплексами существует фундаментальная разница у обоих полов. В то время как Эдипов комплекс мальчика погибает вследствие кастрационного комплекса, Эдипов комплекс девочки становится возможным и возникает благодаря кастрационному комплексу. Это противоречие получает свое объяснение, если принять во внимание, что кастрационный комплекс оказывает при этом свое действие всегда в духе своего содержания, задерживая и ограничивая мужественность и способствуя развитию женственности. Разница в этой части сексуального развития у мужчины и у женщины является понятным следствием анатомического различия гениталий и связанной с этим психической ситуации; она соответствует разнице между осуществленной кастрацией и кастрацией, которая только угрожает. Таким образом, наш результат является в основе своей чем-то само собою понятным, что можно было предвидеть сначала.

Между тем Эдипов комплекс имеет такое важное значение, что далеко не безразлично, каким образом попадают в эту ситуацию и каким образом освобождаются от нее. Как я показал в предыдущем сообщении, результаты которого здесь подтверждаются мною, этот комплекс у мальчика не просто вытесняется, он буквально разрушается под влиянием шока, связанного с угрозой кастрации. Мальчик отказывается от своих либидинозных привязанностей, которые десексуализируются и отчасти сублимируются. Объекты их включаются в состав Я, где они образуют ядро сверх-Я и придают этому новообразованию характерные особенности. В нормальном, лучше говоря в идеальном, случае Эдипов комплекс не существует уже больше и в бессознательном, сверх-Я стало его наследником. Так как пенис обязан – в смысле Ференчи – своей чрезвычайно высокой нарцистической насыщенностью своему органическому значению для продолжения рода, то катастрофу Эдипова комплекса – отказ от инцеста, возникновение совести, морали – следует учитывать как победу рода над индивидом. Это интересная точка зрения, если принять во внимание, что невроз основан на возмущении Я против требований сексуальной функции. Но если мы оставим точку зрения индивидуальной психологии, то это отнюдь не приведет нас к ясности запутанных соотношений.

У девочки отпадает мотив для разрушения Эдипова комплекса. Кастрация уже раньше оказала свое действие, которое состояло в том, что оно толкнуло ребенка к ситуации Эдипова комплекса. Поэтому последний избегает той участи, которая была ему предуготовлена у мальчика; девочка изживает его медленно, упраздняет его путем вытеснения; его влияние распространяется далеко в область нормальной душевной жизни

женщины. Я говорю об этом неохотно, но не могу отделаться от мысли, что нормальный уровень нравственности у женщины – иной. Сверх-Я никогда не будет столь неумолимо, столь безлично и столь независимо от своих эффективных источников, как мы этого требуем от мужчины. Характерные черты, которые критика издавна ставила в упрек женщине, что она менее способна испытывать чувство справедливости, нежели мужчина, что она менее способна подчиняться настойчивым жизненным необходимостям, что она в своих решениях чаще руководствуется нежными и враждебными чувствами,– эти характерные черты находят себе достаточное обоснование в вышеприведенной модификации образования сверх-Я. Возражение феминистов, которые хотят нам навязать полное равноправие и одинаковую оценку полов, не должно вводить нас в заблуждение, хотя следует охотно признать, что и многие мужчины далеки от мужского идеала и что все люди соединяют в себе мужские и женские характерные черты вследствие своего бисексуального предрасположения и перекрестной наследственности, так что мужественность и женственность в чистом виде остаются теоретическими конструкциями с неопределенным содержанием.

Я склонен придать сделанным здесь выводам о психических следствиях анатомического различия полов некоторую ценность, однако я знаю, что ценность эта сохранится лишь в том случае, если эти открытия, сделанные на основании нескольких случаев, получат всеобщее подтверждение и окажутся типичными. В противном случае они останутся материалом для познания разнообразных путей в развитии сексуальной жизни.

В ценных и содержательных работах – о комплексе мужественности и о кастрационном комплексе у женщины – Абрагама, Горнея, Елены Дейч – содержится многое, близко соприкасающееся с моим изложением; моя же статья содержит еще и некоторые новые моменты, так что в этом отношении она может быть оправдана.